Моя дочка плачет. Я только вернулся с похода, очень уставший, а она сидит у окна в своём школьном платье, со своим белым бантиком в волосах и плачет. Заметив меня, она тут же встала и побежала ко мне, обняла. Она потеряла свой портфель, её любимый портфель. Но плакала она, потому что скучала по мне, очень скучала. Хоть и соседка хорошо присматривала за ней, ей всё равно было одиноко, она очень любит папу, а папа постоянно на работе, или в походах, он постоянно помогает кому-то другому и мало времени проводит с ней. Я попытался успокоить её, гладил по голове и шептал, что всё хорошо, что я найду её портфель, а она только больше заплакала, сказала, что мы вместе пойдём искать портфель, и что она уйдёт из школы и пойдёт со мной на работу, в поход, куда угодно. Я тихонько довёл её до кровати и усадил рядом. Вскоре она перестала плакать, только чуть дёргалась. Я пообещал ей, что мы будем вместе, ведь сейчас у неё каникулы, можно попробовать договориться и её возьмут со мной, в поход. А портфель хочу найти сам, потому что так же хочу приготовить для своей дочки сюрприз.

Дочка рассказала мне, где она в последний раз видела портфель. Я тут же отправился туда, хоть и жутко устал, мы шли несколько недель почти без отдыха. В подъезде повстречал соседку, которая присматривала за дочкой. Полная кобыла в возрасте с «бехудями» в волосах и маске из овощной жижи на морде. Она недовольно бурчала, мол, совсем ты дочку покинул, а она у тебя такая умница, очень сильная духом, да ведь без семьи никуда, хотя, конечно, на то и наша доля, Падальщики мы. Мне оставалось только соглашаться, я действительно ничего не мог с этим поделать. Потом соседка смягчилась и с упоением рассказала, как у них, сегодня, одна из этих шуму наделала. Студентка такая в плаще. Как, говорит, нас увидала, сразу закричала, такой шум подняла, а потом как побежит на нас, всех повалила, ну мы её всем миром и погнали, ой… чтобы там Свобода не говорила, а веселья было невпроворот.

Только через минут десять я вышел на улицу под привычное серое небо. Мне очень жаль, очень жаль, что мало могу видеться с дочкой. У нас ведь много привычной работы, привычных забот, настолько привычных, что мы сами иногда не можем с этим договориться. Но так и живём, по привычке. Бывает тяжело, но мы привыкли, мы Падальщики.

Перед тем, как пойти на поиски портфеля, мне нужно было встретиться со старым товарищем. Он любил встречаться около одного переулка, было у него такое пристрастие, мол, а вдруг нас кто подслушивает? А? Так ведь хорошо! Мы же с тобой, друг, только о хорошем и разговариваем! Авось так и ещё больше кому поможем, больше добра сделаем. Странное для меня пристрастие.

С товарищем я встретился, мы поговорил. У него тоже с сыном проблемы. Всё никак не может ему объяснить, что так живут взрослые. Мне знакома эта проблема. Всем знакома. Одна из самых важных наших проблем, это наши жеребята. Мы им никак не можем объяснить, что нам нужно помогать другим. Что нам нужно ходить в походы, ведь так мы узнаём, всё ли в порядке. Что нам нужно много работать, ведь только так мы можем

сделать то, что нужно отдать. Мы так живём, эта жизнь давно вошла в привычку, но когда мы говорим с нашими жеребятами, нам становится очень тяжело и плохо. Они нас не понимают, они боятся будущего, говорят, что так нельзя и так нехорошо жить. И только тогда нам становится тяжело, у жеребят ещё нет привычки, а мы их не можем понять, даже объяснить, у нас такая привычка уже давно есть. Но потом всё проходит… жеребята учатся в школе, растут, потом их пускают в походы, дают работу. У них вырабатывается привычка. Наша привычка становится для них понятной, может даже полезной. Тогда нам легче, но это всё равно тяжело… И ничего с этим поделать не можем, пытаемся обратиться к Свободе, иногда помогает. Только в одном мы друг друга понимаем, в одном чуде – желании помогать. Это знает любой, это может любой, даже без школы и далее, потому что это отделяет любого из нас от других, непомерное чудо помощи. А со Свободой добавились мириады возможностей поделиться этим чудом. Но помогать может только тот, у кого есть излишек, у нас же излишка нет, но помогать кому-то вошло в привычку.

Через пару дней я договорился. Набирали добровольцев в новый поход, дочку разрешили взять с собой. Она очень обрадовалась. Мы вместе собрались и пришли в назначенное время к окраине города. Там мне выдали телегу и несколько саженцев деревьев, вместе с железными штырями и мотком ниток. Одно колесо телеги всё скрипело, но так уж со всеми телегами, всё равно, это же как старая игрушка от родителей, вроде и сломанная, а приятно, таких уже не делают. Дочка запрыгнула «на борт» и улыбнулась. Мы тронулись.

Согласно расписанию делали остановки, отдыхали, ели, сажали по одному деревцу. Привычно. Сколько лет уже привычно. Но дочке это очень нравится. Она всё улыбается и улыбается, бегает в своём платьице и со своим портфелем. Теперь буду стараться, ещё сильнее стараться договариваться, с дочкой веселей ходить в походы. Надеюсь, это станет новой привычкой.

Поход обычно длится очень долго, в последние дни дочка начинала скучать. Всё свободное время она пыталась разглядывать в сплошном сером небе фигурки или говорила со мной. Спрашивала, когда мы уже вернёмся домой. Судя по расписанию, скоро, остался последний город.

И этот город принёс нам много неожиданностей. Оказывается, прямо сейчас к Свободе идут на встречу двое этих. Дочка загорелась любопытством. Для меня всё было привычным, и в нашем городе есть место, где встречаются со Свободой, но для дочки это впервые. Мы приехали по назначению, я оставил телегу у входа, дочка заняла нам место.

Мы все собрались и поприветствовали двух путников. Меня всегда удивляло, как они так живут, я никак не понимал их привычек и того, как они ведут себя. Мне часто приходилось приносить множество всего в места их жилья, помогать им. Но я, да и никто из нас, никак не могли их понять. Иногда они нам рады, а бывает, начинают нас бить, доходило и до худшего… Нам не понятно, почему они нас боятся. Но мы привыкли. Бывает, мы с этим справиться не можем, но чаще мы просто привыкаем к такому. Они для

нас старые родители, которые похожи на наших жеребят. Мы относимся к ним с уважением, по привычке, но можем только помочь.

Двое зашли в комнату, мы собрались около двери и слушали, о чём они говорят. Зайти внутрь нам не разрешалось. Сначала всё было по привычке, но потом они сказали то, что никто до них не говорил. Разговор закончился. Мы были ошарашены и не знали, что делать. Впервые нам дали возможность помогать самим себе.

Дверь приоткрылась. Высунулся пегас и оглядел нас. Он хотел было выйти, но из комнаты донёсся плач и кто-то сбивчиво сказал: «Тысячи и тысячи… тысячи и тысячи попыток…». Пегас тут же обернулся, зашёл обратно в комнату и закрыл за собой дверь, начал успокаивать своего друга.

Мы не знали, что делать. Они всё не выходили, а нам им сказать нечего. По старой привычке мы оставили несколько добровольцев проследить за ними, узнать, всё ли у них хорошо…

Вечером, ближе к полуночи, мы с дочкой шли обратно домой. Она мирно спала. Потом она вдруг закричала, оказывается, в телегу забралась мышка полёвка и разбудила её. Дочка сначала удивилась, а потом радостно забегала по пустой телеге, только вот мышка со страху убежала. А я совершенно не знал, что мне делать. Думаю, уже во всех городах не знают, что делать. Дочка заметила, что я боюсь и успокоила меня. Мол, всё хорошо, папа, ты не бойся, я тебе помогу. От её слов мне стало поспокойней, я очень рад, что смог взять её с собой. Мы с дочкой шли обратно домой под открытым и звёздным небом.

Эх, сегодня удивительная луна…